

ДОННА ЭВЕРХАРТ

**ДОЧЬ
ЛУННОГО
СВЕТА**

Издательство «Иностранка»
Москва

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44
Э15

Donna Everhart
THE MOONSHINER'S DAUGHTER
Copyright © Donna Everhart, 2020
All rights reserved

Издательство выражает благодарность литературному агентству
Andrew Nurnberg Literary Agency
за содействие в приобретении прав.

Перевод с английского Елены Нестеровой

Серийное оформление и оформление обложки Татьяны Гамзиной-Бахтий

Эверхарт Д.

Э15 Дочь лунного света : роман / Донна Эверхарт ; пер. с англ. Е. Нестеровой. — М. : Иностранка, Азбука-Аттикус, 2025. — 480 с. — (Песни Юга).

ISBN 978-5-389-27301-6

Шестнадцатилетняя Джесси Сассер живет в округе Уилкс, Северная Каролина, который издавна славится изготовлением и продажей самогона. «Лунный свет» — так называют этот напиток, потому что гнать его приходится лунными ночами, скрываясь от правительственных агентов. Мать у Джесси погибла при взрыве перегонного куба, поэтому девушка презирает и ненавидит своего отца, для которого «семейное дело», похоже, важнее всего на свете. Романтика тайных троп, хитроумные способы ухода от погони, легкие деньги — все это ей совершенно чуждо. Но когда с отцом случается беда, Джесси поневоле приходится переосмыслить свои жизненные принципы. И лишь тогда перед ней открывается страшная семейная тайна, которую так долго от нее скрывали.

УДК 821.111(73)
ББК 84(7Coe)-44

© Е. Е. Нестерова, перевод, 2025
© Издание на русском языке, оформление.
ООО «Издательская Группа
„Азбука-Аттикус“», 2025
Издательство Иностранка®

ISBN 978-5-389-27301-6

Мамочке, воспитательнице, которая не сдаётся

Мы двигаемся вслепую, задаем вопросы. Но находим ответы в собственном сердце — это ответы на вопрос о том, кто мы такие и как нам справиться с одиночеством и почувствовать свою сопричастность.

*Карсон Маккаллере.
Сердце в закладе:
избранные сочинения, 1971 г.*

Глава 1

Единственное, что я помню о маме, — это то, как она горела.

Мой младший брат Меррит копался в земле, я присматривала за ним, как вдруг раздался хлопок, за ним громкий взрыв, и большой котел, с которым все время возились папа и мама, внезапно загорелся, и пламя перекинулось на маму. Я так сильно вцепилась в руку Меррита, что он пронзительно завизжал.

Папе порой приходилось жечь гусениц коконопрядов. Он подносил шест с факелом на конце к белой пушистой паутине, опутавшей ветви яблони, гнезда гусениц вспыхивали, и похожие на червяков черные тела сыпались вниз, ударяясь о землю с тихим стуком дождевых капель. Огонь всегда спасал деревья, но именно он забрал у нас маму.

Мама заметалась из стороны в сторону, а папа закричал ей:

— Лидия! — а затем мне: — Стой на месте, Джесси!

Меррит вернулся к прежнему занятию и тыкал палкой в грязную лужу, что-то по-детски лопоча, совершенно не осознавая происходящего. Мама хлопала себя по голове, и руки у нее тоже загорелись. Она бегала зигзагами, словно исполняя странный беспорядочный танец.

Папа пытался поймать ее.

— Прекрати бегать! Остановись! — кричал он.

Мама уворачивалась от него, как тот ни пытался помочь. Папа споткнулся, подвернул ногу и уже не мог за ней угнаться, едва ковыляя и прихрамывая.

Она не издала ни звука, только за несколько секунд перед тем, как упасть, выкрикнула его имя:

— Истон!

Крик прозвучал пронзительно, как сирена. Она зашаталась и рухнула, пламя охватило ее с головы до ног. Папа бросился на нее сверху, стал хлопать руками по всему ее телу. Лихорадочными движениями он накиннул свою футболку на ее голову и натянул вниз, насколько это было возможно. Если пламя и обжигало его, по нему это было незаметно. Вокруг них крошечными серыми облачками кружили клубы дыма, я почувствовала странное зловоние, этот специфический запах приковал меня к месту. Мамино лицо проступало сквозь футболку.

Я перестала плакать и ждала, что сейчас они встанут, мама засмеется и спросит: «Я тебя напугала?»

Там, где на ткани отпечатался ее рот, зиял идеальный овал. Испачкавшаяся материя медленно приподнималась, а затем опускалась. Как замороженная, я не могла оторвать взгляда от этого места. Вдох. Выдох. Прошло несколько секунд, и все замерло. Ее руки бесильно обвисли, ладони почернели. Папа продолжал обнимать и прижимать маму к груди, как будто не больше меня понимая, что произошло.

Он склонился еще ближе и прошептал рядом с тем местом, где могло быть ее ухо:

— Лидия?

Мама не ответила, не пошевелилась. Я застыла в ожидании. Он стянул с нее футболку и отбросил в сторону. Вместо нежной и белой кожи — обугленная отслаивающаяся корка, а под нею сырое мясо. Волос почти не осталось, только несколько тонких прядей прилипло к черепу, кофта сгорела. Но это не имело значения, потому что все — ее лицо, ее неподвижность — говорило о том, что произошло что-то страшное, непоправимое. Как будто она расплавилась, и мой мир искривился, как и ее тело в папиных объятиях.

Мерриту наскучило копать в земле, и он неуверенными шагами направился в их сторону, волоча за собой палку и спотыкаясь о корни и листья.

Он тихо приговаривал:

— Мама-мама-мама, — но его шепот заглушило шумное дыхание отца.

Казалось, он пытался дышать за них обоих. Я никогда раньше не слышала таких звуков.

Я прошептала вслед за Мерритом:

— Мама?

Вот что я помню. Мы трое убиты горем, а мама лежит, замолчав навеки.

Мне было четыре года, когда она умерла, если судить по дате на ее надгробии — 10 июля 1948 года. Это было двенадцать лет назад. Я пыталась вспомнить ее до несчастья, но не могла. До того страшного дня ее черты представляются мне расплывчатыми, как на фотографии, на

которую попали капли воды и все размазали, и ты смотришь будто сквозь покрытое инеем окно. Я также не могу сказать, что происходило сразу после — что мы делали, куда ходили, кто нам помогал. Не могу воскресить в памяти ни службы, ни погребения. Очевидно, они были, иначе не было бы надгробия, на котором написано все, что мне известно: имя — Лидия Марш Сассер — и дата смерти, выбитые внутри изображения сердца.

Новые повседневные заботы заполнили пустоту, которую оставила ее смерть в нашем маленьком мире. Мы как-то справились. Временами я специально вызывала в памяти то небольшое, что помнила, и картинки мелькали в моей голове, как слайды, которые учителя показывали на проекторе в школе. Иногда что-то само собой прорывалось изнутри. Например, когда мне было лет одиннадцать, мы с Мерритом подошли к спрятанному глубоко в лесу перегонному кубу. От него исходил специфический запах, и я вдруг осознала, что именно его почувствовала перед тем, как загорелась мама. Кусочек головоломки встал на место. И в этот же момент просветления о ней вспомнил Меррит, которому было уже девять.

— Джесси, как ты думаешь, мама тоже этим занималась? — спросил он.

Мои ладони вспотели, едва лишь эта мысль осмелилась проникнуть сквозь плотную пелену, всплыть из пены воспоминаний, дерзко подняться и вылететь из моей головы, как пузыри в кислой браге, которую я перемешивала.

— Не знаю, — пробормотала я, — но думаю, что это ее погубило.

Меррит перестал поправлять дрова, которые укладывал под котлом. Мой ответ, прозвучавший как гром среди ясного неба, лишил нас на несколько секунд возможности двигаться. Я перестала помешивать брагу, пнула ногой поленицу и указала на котел:

— В день, когда она умерла, пахло так же, но был еще и другой запах.

Меррит широко раскрыл глаза.

— Какой?

Я помотала головой, не позволяя уродливому осколку воспоминаний превратиться в образ.

— Не хочу об этом вспоминать.

— Я там тоже был?

— Да.

— И что я делал?

— Играл, ковырялся в земле.

— А потом?

— Не знаю.

Верхушки деревьев наверху сплетались в колышющиеся кружевные зеленые узоры, выделяясь на фоне плотных тяжелых серых облаков. За облаками было темно-синее небо и жарко припекавшее яркое солнце, но прямо сейчас того мира не существовало. То же самое и с попытками представить маму такой, какой она была раньше. Если бы я могла прогнать тучи из своей головы, я точно бы ее вспомнила. Брат вновь принялся укладывать дрова, а я — помешивать брагу.

Папа отказывался говорить о маме, и все мои усилия превращались в попытку решить математическую задачу, когда дана только одна часть уравнения. Это невозможно, потому что необходимы все элементы, и без его помощи я застряла на месте. Раньше я то и дело задавала ему вопросы.

— Когда мама умерла, раздался хлопок, а затем громкий взрыв. Что случилось?

Он отвечал:

— Джесси, это было очень давно.

— Но папа, она горела, я это помню. Как это случилось?

— Я бы хотел, чтобы ты прекратила об этом спрашивать. Подумай о чем-нибудь другом.

— Хорошо. Почему у нас нет ее фотографий?

— Мне пора на работу. Не забудь запереть дом, когда пойдешь на автобус.

А потом пришло время, когда он стал злиться и кричать на меня:

— Джесси! Я серьезно! Еще одно слово об этом, и ты пожалеешь!

Я медленно отходила прочь, находя временное утешение в кастрюле персикового коблера, приготовленного прошлым вечером. Я вытаскивала его из духовки, хватала ложку, а вторую совала в руку Мерригу.

Он бросал, съев пару ложек.

— В меня больше не лезет.

Я же ни на секунду не останавливалась. В меня лезло, и я ела. Я ела и ела, с несчастным видом зачерпы-

вая ложкой сладкие скользкие персики, куски нежного маслянистого теста, выскребая со дна кастрюли сахарный золотистый сироп. Я сама не поняла, как съела половину, а затем мне стало так плохо, что захотелось избавиться от съеденного. Это было необходимо. Я прошла по коридору в ванную, придерживая тугой живот. Я глядела на унитаз, вспоминая, что как-то раз у меня резко расстроился желудок, было очень больно, а потом меня вырвало, и я ощутила настоящее облегчение. Я встала на колени. Попробовала рыгнуть. Ничего не получилось. Я вспомнила, что у меня случаются рвотные позывы, если во время чистки зубов щетка оказывается слишком глубоко, поэтому я постаралась засунуть палец в самое горло. Я зачихала его поглубже и рыгнула. Повторила несколько раз. Наконец коблер извергся наружу, и я испытала приятное чувство очищения. Мне стало лучше.

Расслабившись, я села на пол. Было непонятно, почему папа так себя вел. Я просто спрашивала о маме, как она умерла. Его раздражение и нежелание говорить о ней вызывали у меня этот странный голод, потому я всегда стремилась освободиться от всего съеденного, как будто избавляясь от внутреннего напряжения.

Какое-то время мне это помогало.

Шло время, почти ничего не менялось. В тринадцать лет я пристала с этим к дяде Верджили. Он долго тер обгоревшую на солнце шею, а когда опустил руку, кожа там покраснела еще сильнее.

Недовольным голосом, как будто я интересовалась тем, откуда берутся дети, он ответил:

— Что ты мне задаешь эти вопросы? Отца спроси.

Я объяснила:

— Он никогда ничего мне не рассказывает.

Тетя Хуанита вышла замуж за дядю Верджила через пару лет после смерти мамы и ничего о ней не знала. Как-то я пожаловалась ей, и она так театрально взмахнула сигаретой, что ее кончик вспыхнул ярким огоньком, а пепел упал на пол.

— Ужасно жаль, что вы с братом остались без матери, — сказала она. А затем добавила, покосившись на миску с мороженым и шоколадным сиропом у меня на коленях: — Дорогая, послушай, я не могу заменить тебе мать и вовсе не рассчитываю занять ее место, но, поверь мне, ни один мужчина никогда не женится на жирной туше.

Она взяла мою миску — я еще и наполовину не доела ее содержимое — и поставила ее в раковину, слегка улыбнувшись, как будто довольная тем, что поступила со мной по совести и справедливости. Мне стало неловко из-за моего живота, бедер и груди — именно на них переместился ее взгляд. Они росли стремительнее всего остального. На следующий день она пришла к нам с двумя новыми лифчиками, торчавшими из сумки.

— Тебе стоит начать их носить, иначе кобели стаями сбегутся к вам на порог.

Надо сказать, что сострадание в тете Хуаните смешивалось с мелочностью, и в том и в другом было ма-

ло пользы. Я стала носить лифчики и больше никогда не упоминала при ней о маме. Так что оставалась только мамина мама, бабушка Марш, но после обширного инсульта она не могла ни говорить, ни заботиться о себе. Мы навещали ее в доме престарелых, только чаще всего она даже не замечала нашего присутствия. Я выискивала в ней мамины черты, полагая, что между ними должно быть семейное сходство.

Когда она умерла, я испытала облегчение — можно было больше не ждать, что она поделится каким-нибудь воспоминанием, и не надеяться, что при виде меня она скажет: «Боже мой, Господи Иисусе, это ж вылитая Лидия!»

К четырнадцати годам по отрывочным воспоминаниям я в конце концов пришла к самостоятельным выводам. Во-первых, мама погибла, когда папа варил самогон. «Лунный свет», как называют самогон в наших краях за то, что его делают по ночам, когда меньше риск попасться на глаза посторонним. Во-вторых, что-то пошло не так, и это была его вина, иначе он мог бы о ней говорить. Папа молчал из-за чувства вины. Придя к таким умозаключениям, я стала опустошать кухонные шкафы и холодильник с еще бóльшим ожесточением. Я ела до полного изнеможения, уничтожая все остатки еды, а потом мучилась угрызениями совести из-за обжорства и стремилась избавиться от съеденного. Как еще показать свое недовольство, когда ты всего-навсего подросток? Вскоре мне стало понятно, что обжорство и рвота делу не помогут. Я по-прежнему ничего не зна-

ла о маме, только уже не могла остановиться. Я все больше и больше злилась на отца и наконец придумала, как его задеть. Это не могло возместить то, чего мы с Мерритом лишились из-за него, но так я хотя бы покажу ему, что чувствую.

Мы сидели за столом и ужинали курицей с рисом в подливке и кукурузным хлебом. Папа любил острое, а перечница стояла рядом с Мерритом.

— Передай перец, сынок, — попросил папа. Он всегда разговаривал очень тихо, и Меррит, который скреб вилкой по тарелке, смешивая рис с подливкой, не услышал его.

Я громко повторила:

— Истон велел передать перец!

Воцарилась тишина. Я отправила в рот полную вилку риса, не глядя в сторону папы.

— Что ты сказала? — переспросил он.

Еда стала тягучей и густой, я сосредоточенно старалась ее проглотить. То ли из-за тусклого света лампы над головой, то ли из-за неожиданно подступивших слез, но мне показалось, что он погрузился и уголки его рта опустились.

Однако я не отступала и снова обратилась к Мерриту:

— Истон велел...

Папа отложил вилку.

— В чем дело?

Я ответила, с напором:

— Ты знаешь.

— Знаю? Что я знаю?

— Сам *знаешь*.

Двусмысленность пропала. Папа откинулся на спинку стула в некотором замешательстве, явно начиная терять терпение. Я зачихала в рот еще риса с подливкой, откусила кусок курицы и в итоге набила рот так, что испугалась, что сейчас подавлюсь. Я прожевала, проглотила, но комок застрял в горле. Пришлось отхлебнуть воды, чтобы протолкнуть его.

— Ну ты даешь, Джесси! — воскликнул Меррит. В его словах сквозил ужас, смешанный с удивлением.

Папа нахмурился:

— Веди себя уважительно.

— Но разве это не твое имя?

— И не дерзи. Не то я тебя накажу.

Он никогда нас не бил, поэтому я не восприняла его слова всерьез:

— Я не боюсь.

— Ты чего, Джесси? — выговорил Меррит, раскрыв рот.

— Не знаю, что за игру ты затеяла, — продолжал папа. — Тебе что, от этого легче?

— Да.

Он наклонился вперед, и я отпрянула. Не то чтобы испугалась, просто такие резкие движения были не в папином духе. Он редко выходил из себя.

Он ткнул в мою сторону вилкой:

— Выброси эту дурь из головы и с завтрашнего дня называй меня, как положено.

— Эта дурь у меня в голове, потому что ты не говоришь об этом, *не хочешь* об этом говорить.

Меррит передал перец, папа стал посыпать им еду, пока она не стала однородного черного цвета, а потом начал невозмутимо есть — как будто и не слышал моих слов.

— Видишь? — с вызовом сказала я Мерриту.

На следующий день папа куда-то ненадолго отлучился, а вернувшись, подъехал на пикапе задним ходом к самым дверям. В кузове стояла большая коробка.

— Смотрите, — сказал он, выходя из машины. — Купил нам телевизор. Ни у кого из наших соседей его еще нет — мы первые. Как вам, Джесси? Меррит?

Меррит запрыгал, его бурная радость уравновешивала мое безразличие. Папа откинул борт, Меррит забрался в кузов и подтолкнул коробку. Вдвоем они стащили ее, кряхтя и сгибаясь от тяжести, и подняли на пару ступенек лестницы к двери, которую я, так уж и быть, держала открытой.

Они задвинули телевизор в угол гостиной, распаковали, и папа сказал:

— Воткни его в розетку, сынок, и включи.

Меррит сделал, как ему было велено, и они встали рядом, глядя на серый стеклянный прямоугольник в деревянном корпусе. Из телевизора раздался низкий свистящий звук, который становился все выше и выше, пока прибор не нагрелся и белая точка в середине экрана не превратилась в черно-белую рябь, заполнившую весь экран. Папа стукнул себя по лбу, сходил на улицу

и вернулся с коробкой поменьше. Он вынул из нее то, что назвал «рожками», поставил их на телевизор, повертел в разные стороны и подкрутил спереди какую-то ручку. Наконец на экране появилось зернистое изображение человека, который что-то говорил, сидя за столом, над ним были написаны буквы NBC¹. А я тем временем размышляла, как телевизор может заменить то, что мне было по-настоящему нужно. Я и не подозревала, что вскоре буду обожать «Неприкасаемых»² и начну мечтать об Элиоте Нессе.

В первый раз услышав, как я называю папу по имени, дядя Верджил заметил:

— Как-то это неправильно.

Но к тому времени папа уже привык к такому обращению и махнул рукой, как бы говоря: «Не обращай внимания».

Тетя Хуанита поджала ярко-розовые губы, загушила сигарету и ничего не сказала. Орал и Меррит вели себя так, словно не понимали, приходить им в ужас или нет. Я перестала спрашивать отца о маме, даже перестала без крайней необходимости обращаться к нему по имени. Но продолжала искать все, что могло оказаться связано с мамой. Я заметила, что, когда папа садился за кухонный стол, — всегда на один и тот же стул, — он тер

---

¹ Эн-би-си (National Broadcasting Company) — американская телерадиокомпания. — *Здесь и далее примеч. перев.*

² Американский сериал 1959–1963 годов, в котором специальный агент Элиот Несс и его команда борются с организованной преступностью, в том числе с контрабандой и незаконным производством алкоголя.

пальцем пару коричневых пятнышек там, где из-за сигареты вздулась пластмасса. Я пристально всматривалась в оплавленный след, гадая, кто его оставил. Мама курила? Может быть, это от ее сигареты, когда они вместе с папой сидели за столом за чашкой первого утреннего кофе?

Со временем я нашла в доме еще несколько таких местечек, и мое воображение разыгралось. Например, круглое пятно на ночном столике в их спальне, с противоположной стороны от той, где спал папа. Отпечатки пальцев, оставленные на крашеной стене в коридоре, — их было заметно, только когда лучи солнца падают под нужным углом и только в определенное время года. В тот день, когда я чудом разглядела пять маленьких овалов, я приложила к ним свою руку, и сразу стало ясно, что они чуть велики для моих пальцев, но слишком малы для папиных. Я была уверена, что отпечатки принадлежали ей, но эти открытия по сути представлялись бессмысленными и незначительными, особенно притом, что призрачное присутствие мамы было столь же неуловимо, как струйки дыма от пламени, забравшего ее многие годы назад.

Глава 2

Я вглядывалась в свое свежее водительское удостоверение, размышляя о том, что встречаются фотографии и похуже школьных. Было рано, до школы оставался еще час, и мы сидели на кухне, где папа пересчитывал деньги, полученные за товар, развезенный им ночью. Радио было включено, и ведущий сообщал о новостях таким тоном, как будто скучал не меньше, чем я. Он бубнил о ку-клукс-клане, о сжигании крестов на главных дорогах в Южной Каролине и Алабаме во время сидячих забастовок в заведениях «только для белых». Мне хотелось услышать подробности, но диктор перешел к гонщику, который погиб в начале двенадцатичасовой гонки на выносливость во Флориде. Я встала и покрутила ручку, чтобы переключиться на музыкальную волну. К нам заглянули дядя Верджил и тетя Хуанита, как они сказали — по дороге в город за кукурузой для одного из перегонных аппаратов. Иногда так ужасно неудобно, что они живут всего в двух милях от нас.

Дядя Верджил не мог оторвать глаз от маленьких стопок наличных — собственно, именно из-за них он и приехал. Он с трудом удерживался на работе, сменив за короткое время уже несколько мест — комбикормовый склад и мастерскую по производству зеркал, — и теперь работал на птицефабрике. У него бы-

Литературно-художественное издание / Эдеби-көркем басылым

ДОННА ЭВЕРХАРТ
ДОЧЬ ЛУННОГО СВЕТА

Руководитель проекта Антонина Галль
Ответственный редактор Пётр Щёголев
Художественный редактор Татьяна Гамзина-Бахтий
Технический редактор Пётр Щёголев
Корректоры Антонина Филимонова, Людмила Виноградова

Подписано в печать / Баспаға қол қойылды 27.11.2024.
Формат издания 84 × 108 1/32. Печать офсетная. Тираж 3000 экз.
Усл. печ. л. 25,20. Заказ №

Изготовитель: ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» — обладатель товарного знака ИНОСТРАНКА®, 115093, Москва, вн. тер. г. муниципальный округ Даниловский, пер. Партийный, д. 1, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru	Өндіруші: «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ — ИНОСТРАНКА® тауар белгісінің иесі, 115093, Мәскеу, қ. ш. аум. Даниловский муниципалдық округі, Партийный т. ш., 1-үй, к. 25 Тел. (495) 933-76-01, факс (495) 933-76-19 E-mail: sales@atticus-group.ru
Филиал ООО «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» в г. Санкт-Петербурге, 191024, Санкт-Петербург, Херсонская ул., д. 12-14, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Отпечатано в России.	Санкт-Петербург қ. «Издательская Группа „Азбука-Аттикус“» ЖШҚ филиалы, 191024, Санкт-Петербург, Херсон көшесі, 12-14 үй, лит. А Тел. (812) 327-04-55 E-mail: trade@azbooka.spb.ru www.azbooka.ru; www.atticus-group.ru Ресейде басым шығарылған.

Техникалық реттеу туралы РФ заңнамасына сай басылымның сәйкестігін растау туралы мәліметтерді мына адрес бойынша алуға болады:
<http://atticus-group.ru/certification/>.

Знак информационной продукции (Федеральный закон № 436-ФЗ от 29.12.2010 г.)

Ақпараттық өнім белгісі (29.12.2010 ж. № 436-ФЗ федералдық заң)

Отпечатано в Публичном акционерном обществе «Можайский полиграфический комбинат»
143200, Россия, г. Можайск, ул. Мира, 93.
www.oaompk.ru, тел.: (49638) 20-685

R-SNS-36306-01-R